

СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА ВЫРВАЛСЯ
НА СВОБОДУ.
И СЕЙЧАС ОН ПРЯЧЕТСЯ
В ВАШЕМ ДОМЕ...

ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

ДЭВИД ДЖЕКСОН

Суперчерный триллер

ДЭВИД ДЖЕКСОН

Игра начинается

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Джексон Д.

Игра начинается / Д. Джексон — «Эксмо»,
2020 — (Суперчерный триллер)

ISBN 978-5-04-156063-8

Томас Броган – серийный убийца. За спиной у него куча трупов. Спасаясь от полицейской погони, он прячется в заколоченном доме на тихой улочке. И обнаруживает, что чердак его убежища соединен с чердаками других домов, и на каждом – открытый люк вниз. Драгоценная возможность незаметно навещать своих новых соседей... Вот когда начинается настоящее веселье. Потому что есть одна вещь, которую Броган любит даже больше, чем убивать, – это играть со своими будущими жертвами. В ход идет все – их секреты и тайны, слабые места и тонкие душевные струны. О, Броган – великий психолог! Сейчас в его распоряжении имеются три дома. Одинокая старушка. Вечно ссорящаяся семейная пара средних лет. Счастливые молодожены. Итак, кто станет первым? Игра начинается...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-156063-8

© Джексон Д., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Дэвид Джексон

Игра начинается

Лайзе

Понедельник, 3 июня, 23:49

Они здесь! Пришли за нами!

Быть того не может. Откуда им знать?

Какая разница? Пронюхали как-то... А кто это, по-твоему?

Броган, вытаращив глаза, смотрел, как за окнами мельтешат синие всполохи. Сирены не работали, только мигалки: его надеялись застать врасплох.

Надо уходить. ЖИВО!

Броган кинулся обратно в гостиную. Схватил рюкзак, мельком глянул на хозяев, сидевших за столом.

– Был рад знакомству. Спасибо, что приютили.

Ответа дожидаться не стал. Быстрым шагом пересек кухню, открыл дверь во внутренний дворик и ступил в объятия ночи.

Слева, в соседском саду, слышались шепот и торопливые шаги. Броган свернул направо, заскочил на садовую тачку и перемахнул через забор.

Луч фонарика, прорезав темноту, наткнулся прямо на него.

– Он здесь! – раздался крик. И тут же: – Полиция! Стоять! На землю!

Было два выхода: послушаться или бежать. Однако он поступил по-своему: ринулся напрямиком на полицейского и с размаху ударил его ногой в грудь так, что тот отлетел к стене дома.

Не замешкался ни на секунду: «Эй, это же представитель полиции; если трону его, мне конец». Не подумал, что у того могут быть жена, дети. В голове стучало лишь одно: этот тип в униформе не дает ему сбежать.

Он замахнулся и, не колеблясь, обрушил кулак на горло противнику с такой силой, что, наверное, забил трахею напрямиком в позвоночник.

Полицейский упал на землю, сипя и задыхаясь. Голоса вокруг зазвучали громче. Петля смыкалась.

Броган бросился бежать. С легкостью перепрыгнул через очередной забор. Потом еще один, и еще. Повсюду вспыхивал свет. Лаяли собаки. На крыльцо одного дома выглянул мужчина в пижаме, удивленно посмотрел на беглеца и поспешил уйти.

Броган бежал дальше. Он был здоров, полон сил и не думал о последствиях. Когда-нибудь его поймут, вечно бегать не получится...

Однако пока удача ему улыбалась.

Вторник, 4 июня, 1:46

Центральные дороги Броган обходил стороной – знал, что там опасно. А еще он знал, что в городских переулках долго не протянет. Полиция прочешет каждый сантиметр: они давно его ищут; а теперь, после нападения на собрата, будут старательнее вдвойне.

Беда в том, что спрятаться негде. Он надеялся переждать еще несколько дней в доме Картеров. Гости к ним не ходили, по телефону никто не звонил. У них было вполне уютно. Правда, хозяева не очень обрадовались его компании. Квартиранты вроде Брогана нормальным людям отчего-то не по душе.

Интересно, как о нем узнала полиция? Где он оплошал?

Наверное, слишком шумел. Зря ты громко включал музыку, сам знаешь.

Да, было дело, но я включал ее не просто так.

Рев лопастей вернул его в реальность. Броган вскинул голову и увидел над собой вертолет.

Они ищут нас.

Да, я знаю.

Нужно где-то спрятаться. Если нас заметят – конец!

Да знаю я, чтоб тебя!.. Дай подумать.

Он сменил направление, надеясь сбить полицию со следа, и уже понятия не имел, где находится. Все здания здесь были одинаковыми: стоящие вплотную дома выстроились в бесконечные ряды. Изредка попадались закрытые пабы или магазинчики. На стенах порой мелькали граффити.

И тут Броган увидел его.

Заброшенный дом с заколоченными окнами и дверьми словно обещал закрыть на все глаза и не выдать.

Броган пересек улицу и шагнул в проулок возле дома. Осмотрелся – не выглядывает ли кто из соседей в окна? – подскочил, ухватился за край забора, подтянулся и спрыгнул во двор, забетонированный лет сто назад. Теперь бетон раскрошился, став похожим на мрамор, и в трещины пробивались сорняки высотой по пояс.

В слабом лунном свете Броган осмотрел заднюю дверь. Проем закрывали доски из фанеры, привинченные к дверной раме.

В рюкзаке у Брогана хранились вещи, которые нормальные люди обычно с собой не носят. Вместо ломика – слишком шумно – он достал отвертку. Принялся осторожно отвинчивать доску, прикрывавшую нижнюю часть двери, и каждый шуруп складывал в карман, на случай если сад будут обыскивать. Броган старался предусмотреть каждую мелочь.

Отодвинув доску, он увидел, что дверь прочная, а вот замок – из дешевых, самый примитивный. Достав набор отмычек, Броган вскрыл его в два счета.

Верхние доски трогать не стал: поднырнул под них и пролез в дом, после чего вернул нижнюю доску, как было, и закрыл за собой дверь.

Внутри оказалось темно, хоть глаз выколи. Броган снова полез в рюкзак и вытащил фонарик. Включил его, направил на дверь и, увидев две крепкие щеколды, задвинул обе.

Оглядевшись, он понял, что попал на кухню. Правда, из мебели здесь остались лишь раковина, дряхлая плита и единственный деревянный стул. Броган щелкнул на пробу выключателем, без толку. Впрочем, это было ожидаемо. Газ, наверное, тоже отключили. А что с водой?

Он подошел к раковине, открыл оба крана. Ничего, даже шипения.

Обыскав шкафы, Броган нашел пару банок с чистящими средствами, полбутылки отбеливателя, треснувший пластиковый кувшин, ржавый консервный нож и жестянку с гвоздями и шурупами.

Отлично. Что еще мужчине для счастья надо?

Под раковиной обнаружился запорный кран. Броган попытался открыть его, но пользы это не принесло. Видимо, воду отрубили от главной магистрали где-то на улице.

Он по-быстрому осмотрел оставшиеся комнаты. Гостиную, столовую, ванную, две спальни. Единственное, что порадовало, – это старый матрас, валявшийся на полу в одной из комнат. Наконец-то можно будет выспаться. Он вдруг понял, что чертовски устал.

Спать нельзя.

Это еще почему?

Про руки забыл? Глянь на них.

Броган закатал рукава и вздохнул.

Снова спустился по лестнице. На кухне выключил фонарик, открыл заднюю дверь и отодвинул доску, чтобы выползти наружу.

В воздухе пахло чем-то сладким. Вдалеке гудел вертолет. Какое-то время здесь можно будет отсидеться. Но недолго – все равно придется вылезти за едой и питьем.

Броган прошел вдоль стены к дальнему углу сада. Там стояла бочка с дождевой водой – ее он заметил, когда перелезал через забор. Наклонился, заглянул внутрь. С гладкой поверхности на него уставился бледный диск луны. От воды воняло, но пить он и не собирался.

Опустил в воду руки. По лунному лику поплыли, расправляясь, темные завитки. Броган принялся смывать с ладоней кровь убитой им пары.

Вторник, 4 июня, 8:07

Он так и не понял, отчего проснулся и который нынче час. Было слишком темно.

Броган зашарил руками по ковру, неприятно твердому и липкому. Нашупал фонарик, схватил его, включил. Яркая вспышка резанула по глазам; пришлось проморгаться, прежде чем смотреть на часы. Почти восемь. Он подумал, не вздремнуть ли еще, но тут заметил, какой затхлостью несет от матраса, и в голове забегали тревожные мысли о крошечных тварях, которые могут жить в его сыром, проросшем грибок нутре.

Он сел и посветил фонариком на стену. Обои в цветочек местами отклеились. В углу темнело пятно плесени, ужасно похожее на счастливую рожицу.

– И тебе доброго утра, – буркнул Броган. – Что у нас на завтрак?

Ты с кем разговариваешь?

Очевидно, что с тобой.

Я на смайлик совсем не похож. Или ты меня таким представляешь?

Ну...

Лучше молчи. И возвращаясь к твоему вопросу – ничего. На завтрак у нас ничего. Надо было готовиться заранее. Я говорил тебе положить еды в сумку на всякий случай. Но ты разве меня слушал?

У Бродана сердито заурчал желудок.

Вот видишь? Даже твои кишки со мной согласны.

К тому же у Бродана пересохло во рту. Пить хотелось сильнее, чем есть. Сейчас бы чашечку свежемолотого кофе... И английский завтрак вдобавок...

Желудок взвыл еще громче.

Он встал. Что там на улице – солнце? Или пасмурно? Дождя вроде не слышно...

Тут он долго не протянет. В темноте, без еды... Или с голоду умрет, или свихнется.

Угу, свихнется. Многие сказали бы, что с этим пунктом ты справился уже давно.

Может, они и правы.

Все в жизни относительно. Что одному человеку норма, для другого – полный бред. Но так устроен мир, разве нет? Разнообразие придает вкус жизни.

И смерти.

Да, парочка смертей определенно избавляет от скуки.

Полиция за последние несколько часов наверняка в этом убедилась. Им, думаю, скучать не приходится. Глядят сейчас на изуродованные трупы Картеров и думают: что, черт возьми, творилось в башке у убийцы?

Ну и пусть думают. Мы им ничего объяснять не обязаны. Делаем что хотим, вот и всё.

Броган еще раз прошелся по дому: вдруг ночью проглядел что-нибудь полезное. В коридоре вдоль стены лежала деревянная лестница. Интересно, почему прежние обитатели ее не забрали? Впрочем, понятно: старая и гнилая. Скорее всего, развалится, едва залезешь на первую ступеньку.

В соседней спальне стоял плетеный стул с огромной дырой в сиденье. В шкафчике над раковиной нашлись грязная зубная щетка и полупустая бутылка ополаскивателя.

Гостиная и столовая на первом этаже оказались совершенно пусты. Даже ковры и те забрали.

Броган угрюмо прошел в кухню. Выключил фонарик и уставился в темноту, в красках представляя, как гудит холодильник, шипят сосиски на сковороде и булькает закипающий чайник.

Не мучай себя. Справимся. Не впервой.

Да, конечно...

Он снова включил фонарик и уселся на единственный стул. На улицу выходить нельзя – только не среди бела дня. Его поймают в два счета. Надо ждать, когда стемнеет. Из одной темноты нырять в другую. А ждать еще долго.

Давай сыграем?

Во что?

В убийство звезды. Каждый выбирает знаменитость, которую хотел бы прикончить, и описывает, как будет ее убивать. Победит тот, у кого получится достовернее.

Нет, в это я играть не буду.

Как хочешь. Просто предлагаю скоротать время.

Броган выключил фонарик, чтобы не разряжать зря батарейку, и просидел, как ему казалось, все утро. Однако, когда он снова посмотрел на часы, прошло меньше часа.

Вот черт...

Он поднялся в ванную, шумно опорожнил мочевой пузырь, но воду спускать не стал. Вдруг в бачке что осталось – вряд ли, конечно, но лучше побережь запасы.

Броган снова вышел в коридор. В свете фонарика опять мелькнула лестница.

Какого черта она вообще здесь валяется?

Эй, гений, а зачем, по-твоему, нужны лестницы? Чтобы лазить по ним, тупица.

Броган посветил наверх.

А, точно, вот он. Люк в потолке.

Ну что, проверим? Все равно заняться нечем.

Лестница, стоило ее взять, натужно заскрипела, будто вот-вот развалится. Броган оттащил ее в нишу за перилами на лестничной площадке, верхним концом поддел крышку люка и лишь потом водрузил на место.

Посветил в люк фонариком: ничего не видать, только стропила и нижнюю сторону черепицы.

Вряд ли стоит на что рассчитывать...

Он принялся взбираться по лестнице. Одна ступенька, вторая. Замер, покачал лестницу из стороны в сторону, проверяя, выдержит ли она его вес. Та шаталась, но разваливаться не спешила.

Броган стал взбираться дальше. Выше и выше, пока не просунул голову с плечами в люк. Огляделся, светя фонариком, и понял, что только потратил зря время. На чердаке валялась одна лишь картонная коробка.

Ладно, раз уж взялся...

Передвигаться по чердаку было непросто: половиц не хватало, приходилось нащупывать ногами балки, чтобы не рухнуть сквозь тонкий настил напрямик в коридор.

Броган осторожно дополз до картонной коробки. Толкнул ее на пробу, надеясь, что содержимое не даст ей опрокинуться. Однако та от малейшего толчка легко проехала по полу. Совсем пустая.

А ты чего ждал? Королевских сокровищ?

Не знаю. Чего-нибудь... Чего угодно.

Так не бывает. Люди обычно оставляют после себя только всякий хлам. Если не умирают раньше времени, разумеется.

Броган уныло опустил плечи.

Все-таки хотелось бы иногда получать от жизни приятные сюрпризы. Может, и убивать пришлось бы реже...

Он вздохнул, осмотрелся напоследок и направился обратно к люку.

И тут кое-что заметил.

Нет, ты только глянь!

В дальнем углу стена, отделявшая этот дом от следующего, оказалась с прорехами. Видимо, строители решили сэкономить на кирпичах, поэтому возвели ее не до самой крыши, а лишь до середины, и в отверстии виднелся соседний чердак.

Брогана охватило возбуждение. Так можно пробраться в дом к соседям!

Чего ждешь? Лезь давай!

Переступая с балки на балку, он добрался до стены. Кирпичи доходили до уровня груди, и хотя в свете фонарика было видно, что соседский чердак такой же пустой, Броган не спешил отчаиваться. Под чердаком ведь целый дом, а в нем много чего интересного. Наверное, даже люди. С которыми можно будет поиграть...

Положив фонарик на стену, он перелез на ту сторону. Снова взялся за фонарик и огляделся уже внимательнее. Планировка оказалась такая же, как и в соседнем доме, но главное, отсюда можно было пробраться в следующий!

Господи, это же золотая жила! Кажется, отсюда можно попасть в любой дом на улице!

Куда нам торопиться? Давай по очереди. Так веселее.

Броган подошел к люку, лег поперек балки, прижался ухом к деревянной крышке и прислушался. Снизу не доносилось ни звука.

Приподнял крышку – нужно проверить, не скрипят ли петли. Тишина. Приоткрыл люк сильнее и выглянул.

Как и в первом доме, лаз на чердак располагался в нише за перилами. Лестницы не было, но под люком стоял комод, из которого выйдет удобная ступенька.

Броган прислушался. Тихо, только тикают часы. Наверное, дома никого нет. Скорее всего, хозяева на работе.

Он хотел уже полностью открыть люк – и чуть было не выронил крышку, когда услышал свое имя.

Вторник, 4 июня, 9:02

– В последний раз Томаса Брогана видели в районе Мэйхилла. По сведениям полиции, он чрезвычайно опасен.

Броган улыбнулся: отчасти радуясь, что голос доносится из радиоприемника, отчасти из гордости за обретенную славу. Забавно – стать знаменитостью благодаря стольким смертям.

– Хотя официально Томаса Брогана не называют главным подозреваемым в убийстве четы Картеров, по всей видимости, он причастен к их смерти. Брогана объявили в розыск две недели назад, когда обнаружили тела его родителей. Есть подозрения, что он виновен в серии других подобных преступлений по всему городу, хотя в полиции эти сведения не подтверждают.

Броган улыбнулся еще шире. Очевидно, что полиция паникует, но при этом старается не волновать зря общественность.

Они знают, что ты сделал.

Я в курсе.

Знают, где и кого.

Я в курсе.

Долго же эти идиоты соображали, что к чему... Да и сейчас, наверное, ничего не поняли бы, если б ты не убил родителей.

Ага... Стой-ка, ты меня в чем-то обвиняешь?

Нет. И не думал.

Потому что, насколько я помню, это была твоя идея.

Естественно. Я и не собираюсь перекладывать ответственность. Твои родители всегда были в списке, с самого начала. Вопрос стоял лишь один: когда именно?

Броган вдруг услышал другой голос, на этот раз живой, почти заглушенный радио.

– Элси! Элси!

По лестнице поднималась женщина.

Броган опустил крышку люка и шагнул туда, где радио орало громче всего.

– Элси! Убавь звук! Ты мешаешь соседям.

До Брогана донесся другой голос, слабый и хриплый, так что слов было не разобрать.

Радио смолкло, и гостья заговорила снова.

– Элси, что ты сказала? Я тебя не слышала из-за шума.

– Что?

– Я сказала... А, ладно, забудь. Давай-ка тобой займемся...

Разговор на минуту прервался. Потом:

– Вот. Теперь ты меня слышишь?

– Я и раньше все прекрасно слышала.

– Потому что радио орало на полную громкость. Элси, так нельзя. Ты мешаешь соседям.

– Так им и надо, этим бездельникам!

– Кто бы сомневался... Я бы тоже маялась от безделья, если б моя соседка так шумела.

Почему бы тебе самой не включить слуховой аппарат?

– Я же говорила. Он мне свистит.

– Радоваться надо. Мне уже давно никто не свистел.

Женщина разразилась лающим смехом, но Элси, кажется, не оценила шутку.

– Ладно, – продолжила гостья. – Давай я тебя умою и одену. Что будешь на завтрак?

– Кукурузные хлопья.

– Хорошо. А они у тебя есть?

– Нет.

Броган снова улыбнулся. Старушка ему уже нравилась. Он последовал за голосами в ванную, потом обратно в спальню. Здорово получается: можно следить за хозяевами, а самому оставаться незамеченным. Все равно что муха на стене.

Из разговора он узнал многое. Хозяйке дома было восемьдесят девять, и жила она одна. Второй голос принадлежал сиделке по имени Кэрри, которая приходила дважды в день, утром и вечером. Других визитеров в доме не бывало – только некий Редж из доставки еды. Очередной, по словам Элси, бездельник.

Броган услышал, как хлопнула входная дверь – Кэрри вышла из дома. Спустя минуту загудел двигатель, отъехала машина. Элси снова осталась одна. Точнее, она так думала...

Что скажешь? Может, спустимся?

Нет, нет. Рано.

Ей восемьдесят девять. Что значит «рано»? Да она будет счастлива погибнуть от рук молодого серийного убийцы, лишь бы не мучиться больше слабоумием, недержанием и что там еще бывает в старости.

Если я убью Элси, нам придется уйти.

И что ты предлагаешь?

В ответ Бруган посветил фонариком в сторону следующего дома.

Встал и, осторожно ступая по деревянным балкам, подошел к перегородке. С легкостью забрался на нее и прыгнул на ту сторону.

Очередная мрачная пустота. Ни половиц, ни света, ни пустых коробок. Что же там внизу?..

Как и в доме Элли, он улегся на балки и прижался ухом к крышке люка. Снизу доносились два голоса, женский и мужской. Кажется, хозяйева ссорились.

Бруган приподнял крышку и заглянул внутрь. Внизу не было ни лестницы, ни мебели. Спускаться и лезть обратно будет нелегко.

Теперь голоса зазвучали отчетливей. Хозяйева, видимо, были на первом этаже, но даже с такого расстояния все было слышно.

– Она же дура полная! – говорил мужчина. – Не понимаю, зачем ты вообще ее слушаешь. Какой из нее врач: даже пластырь накладывать не умеет.

– Она читала в интернете, – ответила женщина.

– Ах, в интернете!.. Ну, тогда все правильно. В интернете же всему можно верить.

– Она сказала, это похоже на разрыв межпозвоночного диска, и тебе надо сделать рентген.

– Барбара Льюис столько советов надавала – на две жизни хватит. Знаешь, кого она отправляла к врачу в прошлый раз?

– Нет. Кого?

– Ральфа.

– Он разве болен?

– Еще бы! По словам Барбары, Ральф страдает ожирением и скоро помрет от инфаркта.

– Нет у него никакого ожирения. Просто... кость широкая.

– Вот и я так думаю, поэтому твоей Барбаре Льюис ни капельки не верю. И к врачу не собираюсь. Просто спину потянул, вот и все. Через пару дней пройдет.

– Хорошо бы так. Потому что одна, без твоей помощи, я по дому уже не справляюсь. И на всякий случай записала тебя на прием.

– Прием? Какой еще прием?!

– О чем мы вообще разговариваем? Прием у врача, разумеется.

– Пэм! Я же сказал, что не пойду ни к какому...

– Слушать ничего не желаю. Пойдешь как миленький.

– Когда?

– Завтра в три.

– Значит, ты поедешь со мной. С этой своей спиной я не...

– Да, да, Джек, я помню, что у тебя болит спина. Устала уже слушать.

– Как мило! Мой тебе совет, Пэм: не вздумай записываться на курсы медсестер, ладно?

Бруган слушал дальше. Он узнал, что Джек работает в городском совете. Пэм недавно уволилась из регистратуры при стоматологии и теперь изредка помогает в благотворительном магазинчике. Есть дети, как минимум двое: давно уже выросли и улетели из родительского гнезда. Скорее всего, Джеку и Пэм около пятидесяти.

Бруган закрыл люк и задумался, что делать дальше.

Мне здесь не нравится. Душно, неудобно, и от пыли в горле першит. Знаешь, от дешевых строительных материалов бывает рак.

Еще один дом, и возвращаемся.

Впрочем, когда Бруган пролез на четвертый чердак, то увидел, что идти дальше и некуда – следующая стена возведена до самой крыши.

Здесь чердак выглядел куда более многообещающим. Поперек балок лежали деревянные доски, и передвигаться было проще, хотя почти все пространство оказалось заставлено ящиками, чемоданами и большими пакетами. Бруган решил, что надо будет обязательно в них

порыться, но пока его занимала складная лестница, установленная возле люка. Входить в дом и выходить будет проще простого.

Броган снова прислушался и осторожно приподнял крышку люка.

Коридор и лестничную площадку недавно отремонтировали, выкрасив стены в нейтральные светлые тона. В углу ниши стоял шест, чтобы открывать крышку и вытягивать лестницу.

Прямо-таки готовились к визиту гостя. Негоже будет разочаровывать хозяев.

Внизу царила гробовая тишина. Ни голосов, ни собачьего лая, даже часы и те не тикали. Однако это вовсе не значило, что дом пуст. Перед тем как спускаться, хорошо бы собрать больше информации. Предупрежден – значит вооружен, и все такое.

Броган закрыл люк и сел, прижав колени к груди.

Итак, кто будет первым... Кто же станет нашим клиентом?

Эники-беники...

Вторник, 4 июня, 22:26

Самым заманчивым отчего-то выглядел последний дом. Что-то подсказывало: он и есть тот самый.

Вот только желудок требовал еды. Вполне ожидаемо. Прошло уже двенадцать часов с тех пор, как Броган обнаружил лаз на чердак; и целые сутки – как он ел последний раз. Весь день Броган провел в заброшенном доме, дожидаясь темноты, прежде чем отважился снова подняться по лестнице.

Сначала он заглянул к Элси – и сразу понял, что та станет его спасительницей. Через потолок слышался ее могучий храп, в то время как в других домах хозяева, скорее всего, еще не спали. К тому же Элси наверняка сняла на ночь ненавистный слуховой аппарат, поэтому даже не узнает о его визите.

Броган открыл люк. Осторожно спустил ноги на темный комод из красного дерева, стоящий на лестничной площадке. На мгновение испугался, выдержит ли комод. Но тот устоял и даже не скрипнул.

Внизу Броган выключил фонарик. Не столько потому, что боялся разбудить Элси, сколько опасаясь, как бы прохожие не заметили мельтешащие в доме отблески. В окна лился уличный свет – можно ориентироваться и в темноте.

Броган постоял немного возле спальни Элси, но заходить не стал. Интересно, что за кошмары ее преследуют, раз она издает такие жуткие звуки?

Вряд ли страшнее, чем маньяк, разгуливающий по дому.

Броган спустился по лестнице, не особенно заботясь о скрипящих под ногами ступеньках.

В коридоре осмотрелся. В тусклом свете различил столик с телефонным аппаратом. На стенах висели дешевые пейзажи и декоративные тарелки.

Броган прошел на кухню. Пахло капустой, затхлым растительным маслом и спреем от мух. На столе лежали коробки. Он поднес одну ближе к окну.

Кукурузные хлопья!

Ха! А Кэрри она говорила, что...

Ага. Старушка та еще шутница.

Броган открыл коробку, зачерпнул целую пригоршню и высыпал в рот. С голода даже несвежие хлопья показались сущей амброзией.

Съев еще одну горсть, вернул коробку на место, подошел к холодильнику и открыл. Изнутри пахло кислятиной и затхлостью, Брогана чуть не вывернуло. Впрочем, такие мелочи уже давно не смущали.

На одной из полок лежала початая пачка ветчины. В плетеной корзинке нашлись два сорта хлеба: темный и белый. Видимо, Элси любила мучное.

Броган торопливо соорудил бутерброд с ветчиной и проглотил в два укуса. Так и не утолив голод, нашел пачку мини-булочек с сосисками и съел пару штук, потом вытащил три ягодки из банки с клубникой. Ужасно хотелось попробовать чизкейк, но Броган рассудил, что Элси может заметить внезапную пропажу. Ужин он запил двумя стаканами воды.

Ну что, идем дальше?

Броган снова пошел наверх. Судя по храпу, Элси по-прежнему крепко спала.

– Благодарю за ужин, – вполголоса произнес Броган, забрался обратно на чердак и закрыл за собой люк.

Все, будто никто и не заходил.

Уже через минуту Броган оказался на четвертом чердаке. Мимо Джека и Пэм он прошмыгнул не задерживаясь. Те опять спорили – на сей раз что подарить племяннице на день рождения, но Брогану до их праздника совершенно не было дела.

А вот четвертый дом...

Йо-ху! Хозяева вернулись. И как раз мой любимый типаж.

В смысле?

Да ты послушай! Молоденькие совсем. Лет двадцать пять, не больше. Свежее мясо. Даже моложе Дервентов. Помнишь таких? Разве они были не чудо?

Да, классные...

Гибкие такие... Готов поспорить, та девка и не думала, что сумеет так вывернуться. Даже муж и тот опешил.

Броган прислушался. Пара внизу обменивалась шутками: смеялась и флиртовала, как умеют только молодые.

Надеюсь только, ребенка у них нет. С детьми ты не очень-то ладить.

Заткнись.

Просто сказал. Что тут такого?..

Рот закрой. Я слушаю.

– Ты завел будильник? – донесся голос женщины.

– Почему ты всегда спрашиваешь? – с насмешкой поинтересовался мужчина. – Его не надо заводить. Он автоматически включается каждое утро в одно и то же время, ты ведь знаешь.

– Лучше проверить. Не хочу, чтобы ты опоздал на работу.

– Кто бы говорил... Я встаю раньше тебя.

– Неправда! – В женском голосе прозвучала обида: – Кто сегодня утром готовил тебе кофе?

– Это было исключение. И ты сама виновата: кто вчера заставил меня допить вино?

– Я виновата?

– Ага. Ты всегда так делаешь, когда хочешь мною воспользоваться.

Звонкий смех.

– Эй, мистер, мне не нужно спиртное, чтобы затащить тебя в постель. Надо всего-то сделать так...

Секундная пауза, и потом:

– О господи, Колетт... Не делай так. Ты же сама только что переживала, чтобы утром я встал вовремя.

Она издала гортанный смешок.

– А ты вроде бы уже встал...

Господи, прямо-таки порнофильм для слепых. Какая прелесть!

Ага. Как думаешь, они хоть симпатичные?

Как Венера и Адонис. Если похожи на Джаббу Хатта¹, я так не играю.

– Ты ложиться будешь? – спросил мужчина.

– А зачем? – уточнила Колетт. – Тебе что, ноги не терпится об меня погреть?..

– Уж поверь, сейчас я думаю вовсе не про ноги...

– Тогда, наверное, не будем зря мять постель. Иди сюда...

Разговор притих. Видимо, хозяева от слов перешли к действиям. Раздались смешки, бормотания, стоны.

Броган на четвереньках пополз вдоль балок, пытаясь найти место, где будет слышнее. Приподнял изоляционный лист, чтобы от пары внизу его отделял лишь тонкий слой гипсокартона.

И тут увидел проблеск света.

Броган моргнул, поначалу не понимая, что это. Решил, что луч фонарика отразился от чего-то блестящего. Щелкнул выключателем, но свет не пропал.

Пополз туда. Медленно, словно загипнотизированный мотылек на огонь. Обнаружив источник света, он все равно подумал, будто ему мерещится. Потому что исполнилось его самое заветное желание.

Между балками была прибитая деревянная доска. Изначально она служила опорой для потолочного светильника, но теперь белый электрический кабель тянулся из распределительной коробки к противоположной стене. Кто-то – видимо, хозяева – решил перевесить лампу, но дыру от нее залеплять не стал. Броган, прикинув к доскам, мог видеть все, что происходит внизу.

Все!

И вид открывался столь волнующий, что он невольно ахнул.

Лежавшая на огромной кровати Колетт распахнула глаза и посмотрела в сторону Брогана.

– Мартин, – окликнула она мужчину, извивавшегося над ней. Ткнула его в ребро, чтобы обратить внимание. – Мартин!

– Что? Я немного занят.

– Ты слышал?

– Что слышал?

– Я... ничего. Показалось. Забудь. Давай.

Уговаривать Мартина не пришлось. Он уже вернулся к своему занятию, изгибая спину и волнообразно двигая бедрами.

Колетт по-прежнему не закрывала глаза и, кажется, в какой-то миг даже встретила с Броганом взглядом.

Колетт. Прекрасная дива. Белокурые локоны на подушке. Упругие бледные груди, вздрагивающие при каждом толчке мужчины, который теперь казался в этой сцене лишним, потому что она смотрела в глаза другому.

Колетт словно говорила ему: «Это тебе, Томас Броган. Это все тебе».

Среда, 5 июня, 9:03

Всю ночь перед глазами было только ее лицо.

Она явилась к Брогану во снах. Тихонько, голая, вошла в комнату и каким-то чудом втиснулась между ним и грязным матрасом. Нищеты вокруг словно не замечала. Смотрела только на Брогана, не спуская с него огромных, круглых, завораживающих глаз. Глядела ему прямо в душу, желая, чтобы он двигался с ней в унисон. Он беспрекословно подчинился, и сердца

¹ Джабба Хатт – персонаж киносаги «Звездные войны», огромное жабо- и слизнеподобное существо. – *Здесь и далее прим. пер.*

их забились в одном ритме; пульсы сплелись, словно стали единым целым. Плоть взмокла от пота, мышцы отвердели, горячее дыхание участилось...

А потом все изменилось: в нем встрепенулось, подняло голову зло. Броган словно со стороны наблюдал, как его рука тянется к мягкой шее. Сами собой сжимаются пальцы. Колетт выпучила глаза. Пухлые губы приоткрылись, вырвался тихий хрип. Он сдавил сильнее. Во рту мелькнул набухший пурпурный язык. По щекам полились кровавые слезы. Из ноздрей, ушей и рта хлынули алые фонтаны.

И только эти огромные глаза по-прежнему буравили ему мозг.

Он проснулся со звенящим в ушах криком, не зная, чей он – его, Колетт или кого-то из прежних жертв. Лихорадочно зашарил вокруг, ища фонарик, включил его и первым делом осветил на руки.

На них не было крови. Колетт еще жива. Пока жива.

И вообще, который час?

Броган глянул на циферблат и ругнулся: все-таки проспал. Он надеялся заглянуть с утра к той парочке, посмотреть, как они собираются на работу. Хоть мельком увидеть Колетт при свете дня: с растрепанными волосами, полузакрытыми глазами и мечтательной улыбкой на губах в миг пробуждения.

Ты ведь понимаешь, что они уже ушли?

Понимаю.

Не беда. Кот из дома – мыши в пляс...

Броган скатился с матраса. Заглянул в туалет. Снова поднялся по лестнице. У Элси опять орало радио. Джек шумно учил Пэм пользоваться микроволновой печью. В доме молодой пары царил тишина.

Приоткрыв люк, Броган выждал добрых полчаса, прежде чем спускаться. Накануне вечером хозяева говорили про будильник, чтобы не проспать работу, но, может, кто-то из них остался дома?

Однако ничего. Пусто.

Броган спустил лестницу, изрядно загрохотав, но на шум никто не явился – значит, хозяйка и впрямь ушли.

Ладно, давай осмотримся.

Нет. Сперва поедим.

Какой же ты зануда...

Удостоверившись, что в коридоре, гардеробе и в прихожей нет пульта управления сигнализацией, Броган приоткрыл дверь в кухню и заглянул. Глубоко вдохнул, сделал шаг и только после этого, не услышав тревожной сирены, позволил себе расслабиться.

Кухня здесь была больше, чем в заброшенном доме, – со стороны задней стены к ней сделали пристройку. Проверил окна – не подглядывают ли соседи – и заметил, что одно из них приоткрыто.

Как неосторожно! Разве хозяева не понимают, что в дом может забраться какой-нибудь псих?

Броган закрыл окно и принялся готовить завтрак.

Налил полную тарелку молока с хлопьями, кружку черного кофе и сделал два тоста: один – с тонким слоем джема, другой – с мармеладом. Мечтательно глянул на бекон, сосиски и яйца, но хозяйка могли заметить их пропажу. Поев, вымыл за собой посуду, аккуратно протер столовые приборы и вернул все на прежнее место.

Из тебя вышла бы замечательная жена.

Заткнись.

Нет, правда. Прямо-таки богиня домашнего уюта.

Что за женоненавистничество? Нет ничего дурного в том, чтобы орудовать шваброй.

Или разделочным ножом...

В мусорном баке Броган нашел пустую пластиковую бутылку из-под лимонада. Сполоснул ее и наполнил водой, чтобы отнести в свое временное убежище.

Затем принялся осматривать дом.

Сперва он заглянул в столовую, но решил туда больше не заходить. Она располагалась в передней части дома, окна выходили на улицу, и Брогана могли заметить прохожие. Все равно в комнате не было ничего интересного, только стол со стульями, пара книжных шкафов и двухместный диванчик.

А вот в гостиной оказалось куда веселее. В нише рядом с камином стоял буфет из бука. Броган заглянул в каждый ящик. В основном там лежал всякий хлам, который люди прячут подальше от глаз, не зная, куда еще его деть: батарейки, булавки, поздравительные открытки, зарядки для телефонов. Нашлись и всякие бумаги: инструкции к технике, гарантийные талоны, счета и письма. Благодаря им Броган выяснил, что фамилия супругов – Фейрбрайт, женаты они почти три года и в этот дом переехали вскоре после свадьбы. Еще он узнал, что Колетт работала в отделе маркетинга какой-то медицинской фирмы, а Мартин – торговый консультант в компании, производящей кухонную технику. Зарабатывали оба так себе.

Заскучав, Броган вернулся наверх. В ванной проверил ящики и вентиляционный шкафчик. Колетт принимала противозачаточные таблетки, Мартин носил одноразовые контактные линзы, оба пользовались ультразвуковыми зубными щетками.

Раз уж ты здесь, надо извлечь максимум пользы.

В смысле?

Ты весь грязный и потный, а матрас в лачуге полон всякой гадости. Тебе надо помыться.

Нельзя!

Почему нельзя? Кто узнает? Даже если они заметят, неужели подумают, будто кто-то вломился в дом, помылся и ушел, ничего не прихватив? Грабители редко моются в гостях.

Уговаривать не пришлось. Броган разделся, включил душ и залез в ванну. Как чудесно – стряхнуть с себя толстенный слой грязи, гнили, крови и греха! Он намылился кокосовым гелем для душа. Вымыл голову шампунем, от которого пахло свежими зелеными яблоками. Потом встряхнулся, пригладил волосы, чтобы меньше капало, вышел и досуха вытерся использованным полотенцем. Аккуратно сложил его и повесил обратно.

Прежде чем уйти, огляделся – не выдаст ли его визит какая-нибудь мелочь? Краем глаза он заметил странную трещинку на одной из белых плиток. Наклонился ближе и понял, что это волосок. Причем с его головы.

Может, не будем убирать?

Зачем?

Ой, не будь идиотом. Посмотрим, увидят ли. И если да, то что подумают? Сделают ли что-нибудь или оставят как есть?

Броган улыбнулся. И впрямь интересная забава. Однако так стоит играть позднее, когда он узнает хозяев получше. Пока стоит перестраховаться и спустить волосок в сливное отверстие.

Одеваться он не спешил. Хотел насладиться ощущением чистоты, а то одежда уже стояла колом от грязи. Собрал вещи в охапку и побрел в спальню.

О да! Спальня. То самое место, где Колетт и Мартин предавались любовным утехам, думая, будто одни... То самое место, где они не ждали чужих взглядов...

И все же Брогану не составило труда убедить себя, будто Колетт каким-то чудом узнала о его присутствии. Что, если это и есть ее маленький грязный секрет? Ее тайная фантазия? Вдруг она любит заниматься сексом на глазах у незнакомцев?

Одежду он бросил на ковер. Как был голый, подошел к кровати со стороны Колетт. Одежда небрежно валялась в ногах, и на матрасе с подушкой остались очертания женского тела.

Броган провел по контурам ладонью, воображая, как шершавые пальцы легко скользят по идеально гладкой коже.

Забрался в постель, уткнулся в подушку, сильно втянул воздух и ощутил женский аромат. Какое-то время он лежал, не двигаясь и представляя под собой Колетт, восхитительно голую и возбужденную.

Потом перевернулся и уставился в потолок. Там чернело отверстие от светильника, который перевесили ближе к середине комнаты. Именно туда Колетт глядела прошлой ночью. Смотрела прямо на него. С такого расстояния дырка казалась совсем крохотной, размером с булавоочную головку, и сквозь нее нельзя было увидеть чужой глаз, но Броган не забивал себе голову такими мелочами. В мыслях у него выстраивалась реальность, где Колетт жаждала его присутствия. Хотела устроить для него спектакль. Хотела одного – угодить ему, доставить удовольствие...

А потом все стало иначе. Вместо кровати возник ледяной каменный пол. Яркое солнце заволокло тучами, и оконные стекла задрожали под натиском шторма. Лицо у Колетт исказилось, приобретая чужие черты. Красота сменилась уродством, невинность – извращением, верность – предательством.

Закончилась фантазия, как всегда, кровью. Литрами горячей крови, фонтаном хлещущей из артерии. Окончательная и бесповоротная кульминация. Неизбежная и предсказуемая. Вместе с ней пришли тоска и осознание, кто такой Броган – и кем он никогда не станет.

Броган встал, оглядел кровать, убедившись, что не оставил улики. Натянул одежду, жесткую и колючую, и ощущение чистоты тут же пропало. Он снова облачился в мантию смерти и разложения и, будто призрак, исчез сквозь портал в вечную тьму наверху.

Среда, 5 июня, 12:57

Наступивший полдень радости не принес. Большую часть утра Броган убил на тренировку. Отжался сотню раз, подтянулся на балке. Подремал немного в темноте заброшенного дома, хотя, может, ему это только показалось. Сенсорная депривация сводила его с ума. Лучше, наверное, сидеть в одиночной камере. Ему нужны люди. Нужна еда. Нужна...

Колетт.

Все мысли крутились только вокруг нее. В голове было так тесно, что, казалось, мозги лезут из черепной коробки. За короткое время, что прошло с той минуты, как Броган впервые увидел Колетт, она стала его навязчивой идеей. Он даже не знал, почему. Было в ней что-то необычное, такое, чему не находилось объяснения. Что-то делало ее на голову выше всех остальных его жертв.

Ха-ха, ну ты и шутник!

Это еще почему?

«На голову выше». Конечно – всем остальным-то мы ее отрезали... Оборжаться!

Колетт заслуживает особого отношения.

Ну, разумеется. И мы даже знаем почему.

Понятия не имею. Ты вообще о чем?

Она кое-кого тебе напоминает.

Вот только не начинай, ладно? Та здесь совершенно ни при чем.

Еще как при чем. Из-за нее все началось.

В голове разыгралась такая буря, что пришлось пойти к задней двери, открыть ее и отодвинуть фанеру, впуская в дом немного живительного света и воздуха. Броган знал, что рискует – из соседних окон могли заметить, – но ему было плевать. Он задыхался.

Он сидел так около получаса, разглядывая сорняки и жуков. В какой-то момент мимо бесшумно прошла полосатая кошка. Учуяв Брогана, она замерла и уставилась на него сквозь щель в дверном проеме.

Эй, она похожа на Митси!

Совсем слепой, что ли? Ни капельки не похожа. Даже цвета другого.

С ней тоже все так начиналось. Когда она посмотрела на тебя через дверной порог...

Броган зажмурился. В голове завертелись воспоминания: мучительные и приятные одновременно. Когда он снова открыл глаза, кошка уже исчезла.

Да что с тобой такое? Зачем ты весь день вскрываешь старые раны?

Они всегда открыты, друг мой.

Знаешь, я был бы признателен, если б ты перестал сыпать соль.

Не раскисай. Я единственный, кто тебя поддерживает.

Не лъсти себе. Я и без тебя справлюсь.

Без меня ты умрешь. Прояви хоть капельку благодарности.

Броган раздраженно подвинул фанеру и захлопнул дверь. Тьма вернулась. У него был фонарик, но включать его лишний раз не стоило. Он прислонился спиной ко входу, мысленно поторапливая время. Снаружи слышался шум: птицы, самолеты, гул машин, детский визг. Порой доносился вой полицейских сирен. Не его ли ищут? По ложной наводке, наверное, когда людям мерещится маньяк у них в доме...

Я есть хочу.

Ты вечно голодный.

Знаешь, я ведь о нас забочусь. Тебе не мешало бы иногда ко мне прислушиваться.

Подождешь.

Не могу. Все калории с завтрака уже сгорели. Мне надо больше тренироваться, чтобы поддерживать форму.

Так и будет написано на твоей могильной плите: «Здесь лежит самый крепкий покойник на свете». Я не понял, чего ты от меня хочешь? У Фейрбрайтов еду мы брать больше не можем, заметят. А остальные хозяева сидят дома...

И когда мы поедим в следующий раз?

Вечером. Сходим к Элси. Только ненадолго.

Другой голос Брогана затих, но в голове все равно вертелись мысли. Образы, воспоминания, обрывки разговоров...

Он взглянул на часы.

Что такое?

Те люди, которые живут рядом с Элси. Джек и Пэм...

Ну?

Они, кажется, говорили про врача, помнишь? Запись ведь сегодня?

Да. Сегодня. В три часа вроде бы. А сейчас сколько?

Почти два.

Броган вскочил, зажег фонарик и побежал наверх. Взобрался по лестнице на чердак, крадучись, пересек дом Элси и залез к соседям. Снизу слышались голоса, тихие, будто с первого этажа. Броган вытащил нож, подцепил крышку люка и, просунув рукоять, приподнял на пару сантиметров.

Пэм и Джек по обыкновению беседовали на повышенных тонах. Броган не уловил суть их взаимных претензий, но речь, кажется, шла обо всем подряд: от протекающего крана до местной политики.

Затем, примерно без двадцати три, голос Пэм зазвучал громче: она вышла в коридор.

– Ты вообще идешь? Пока встанешь с кресла, больница уже закроется.

– Дай хоть дух перевести, женщина! – отозвался Джек. – Ты что, не видишь, как мне плохо?

– А мне, можно подумать, не плохо... Давай пошевеливайся!

Раздались стоны вперемешку с руганью.

– Ну, наконец-то, – объявила Пэм. – И не вздумай корчить из себя героя. А то я тебя знаю. Заявишь врачам, что у тебя ничего не болит.

– Терпеть не могу врачей...

– Думаю, это взаимно.

Открылась входная дверь, Джек немного покряхтел от боли, дверь хлопнула. Хозяева сели в машину и уехали.

Пора обедать! Давай вниз!

Броган распахнул крышку люка – и недоуменно уставился на лестничную клетку.

Есть проблема.

Какая еще проблема?

Как я заберусь обратно?

Идиот. А лестница тебе на что?

Вдруг Эли услышит?

Не услышит, если не будешь греть. Только давай быстрее, а? Мы не знаем, сколько у нас времени.

Броган вернулся к первому дому и затащил шаткую лестницу на чердак. Через стену в этот раз он перелезал дольше обычного – боялся стукнуть лестницей и выдать свое присутствие; вдобавок приходилось смотреть, куда ставить ноги.

Живей давай!

Я и так стараюсь!

Дотащив лестницу до соседей, он решил немного перевести дух.

Как там говорила Пэм: «Пошевеливайся»?

Броган тряхнул головой и пробормотал:

– Нет покоя грешникам.

Если это правда, быть нам всегда в пути.

Броган просунул лестницу в люк и спустился.

Без вечно скандалящей пары дом казался до зловещего тихим, словно решил выспаться. И пахло здесь иначе: смешались запахи освежителя воздуха, полироли, чистящих средств для ванной и еще чего-то незнакомого.

Потом надъешишься, жрать пошли!

Броган спустился на первый этаж, прошел мимо фотографий, изображавших двух пухлых детишек разных возрастов. Дверь на кухню была закрыта. Рядом с нею качали медным маятником темные деревянные часы, тихонько постукивали, словно предупреждая, что лучше к ним не приближаться.

Как думаешь, больница далеко?

А что?

Почти три. Вдруг их приняли раньше и теперь они едут домой?

Раньше? И давно терапевты соблюдают график приема? У нас впереди целый вечер. Просто зайди, возьми какой-нибудь еды, и пойдем уже.

Броган кивнул. Подошел к двери. Толкнул ее.

И сразу увидел Ральфа.

Именно Ральфа. Тот сам представился.

Среда, 5 июня, 15:00

– Ральф! – рявкнул тот.

Или что-то вроде этого. Голос был лающим, прозвучал неразборчиво. Чего еще ждать от собаки?

Точнее, не собаки, а огромной, черной, слюнявой, красноглазой твари. Цербера с одной башкой, зубастого и чертовски свирепого.

Часы пробили три раза, словно объявляя о начале боя. Бродган, поджав хвост, бросился бежать. Не время проверять на практике, что брехливые собаки обычно не кусают: с такими зубищами это чудище махом отхватит ему руку.

Поэтому Бродган бросился улепетывать со всех ног, а Ральф – которого Барбара Льюис считала слишком тучным и неповоротливым – ринулся вслед. Невзирая на габариты пивной бочки, пес несся за Бродганом с такой скоростью, что грозил нагнать. Точь-в-точь как в кино, когда Индиана Джонс удирал от валуна...

Бродган взбежал на второй этаж, перескакивая по две, по три ступеньки зараз. Один промах, одно неловкое движение – и ему конец, зверь его настигнет. Он уже чувствовал собачье дыхание, слюни буквально капали ему на ногу. Последняя ступенька, и...

Ральф его схватил.

Собачьи челюсти сомкнулись с крокодильим щелчком. Острые, точно бритва, резцы проткнули штанину джинсов и ободрали кожу.

Бродгана потащило с лестницы. Он повернулся, посмотрел в горящие глаза твари, тянувшей его вниз. Вцепился в перила. Ральф, чуя сопротивление, ответил рычанием и замотал башкой, при каждом рывке содрогаясь всей своей мощной тушей.

Да он тебя с потрохами сожрет, а кости в саду прикопает! Давай, делай что-нибудь!

У Бродгана слабели пальцы. В этом соревновании на силу ему не выиграть. Свободной ногой он пнул собаку по морде. Глаза у пса вспыхнули ярче, и он насмешливо осклабился: мол, это все, на что ты способен?

Бродган вспомнил про нож, но достать его – значит отпустить спасительные перила. Да и не факт, что клинок поможет – у собаки в пасти их с десятков, таких же острых. Он принялся осыпать пса ударами. Один, самый болезненный, пинок пришелся Ральфу по носу, и тот с визгом разжал зубы. Бродган вскочил и бросился на лестничную площадку.

Он подбежал к стремянке, чувствуя, как адская громадина скачет вслед за ним, дыша в спину, и вот-вот снова вцепится в ногу. Бродган прыгнул, ухватился за самую верхнюю ступеньку, и та затрещала. Он успел подумать: «Только не ломайся, пожалуйста, прошу, умоляю», но руки с ногами уже сами занесли его наверх с таким проворством, что, наверное, можно было обойтись вовсе без лестницы.

Бродган проворно нырнул в люк. Тяжело дыша, лег на пол и посмотрел вниз на своего преследователя, на его слюнявые клыки и горящие глаза.

Лестницу тащи! Гребаную стремянку!

Бродган ухватился за лестницу и стал ее поднимать. Ральф, видимо, чуя, что добыча сейчас сбежит, подпрыгнул и вцепился зубами в нижнюю перекладину.

Стряхни его!

Да пытаюсь я! Чтоб его, этого уроды!

Бродган тянул на себя, но собака была слишком тяжелой и сильной. Лестница выскальзывала из рук. Последним отчаянным рывком Бродган приподнял ее, заставляя пса встать на задние лапы, и резко толкнул, вдавливая деревянную перекладину прямоком в пасть. Собака невольно разжала зубы, и Бродган кое-как выдернул лестницу из клыков.

Та благополучно легла на чердак, а Броган встал на колени и посмотрел на тварь. Ральф зарычал – глубоко, гортанно и так грозно, что затряслась каждая жила в теле.

Люк закрой. И давай, пошли отсюда скорей.

Конечно, но к чему такая спешка?

Потому что тварюга никуда не уходит. Надо, чтобы он заскучал и забыл про нас. А то хозяева вернутся и увидят, как пес сидит тут и рычит на потолок...

Черт. Понял. Только... Твою ж мать!

Что еще?

Они все равно догадаются, когда увидят, что он выбрался из кухни.

Может, подумают, что сами забыли его запереть?

Разве похоже, что у них проблемы с памятью?

Ну тогда окажи милость: спустишь и запри его сам. Помани косточкой, предложи отведать филейной части...

Броган, задумавшись, медленно закрыл за собой люк.

Среда, 5 июня, 16:07

Он ждал сирен, криков, шагов, стука в дверь...

Если честно, Броган и сам не знал, чего ждет. Пэм с Джеком уже должны были вернуться. И какую картину они застали дома? Как Ральф сидит под люком и рычит на потолок? Даже дурак поймет, что на чердаке кто-то прячется. И раз собака не под замком, значит, в доме побывали воры.

Целый час Броган провел в темноте заброшенного дома, ожидая, что по его душу явятся гости. Он сидел на шатком деревянном стуле, сжимал рукоять ножа и не спускал глаз с входной двери.

Ждал.

Очень хотелось залезть обратно на чердак и узнать наверняка. Подслушать разговор хозяев и, если они ничего не заподозрили, насладиться их очередной перепалкой.

Сиди на месте. Дай им время.

Зачем им время?

Пусть эта тупая псина затоскует или проголодается. И забудет своим скудным умишком, как вообще оказалась на втором этаже.

Я не за собаку переживаю. А за хозяев.

Ты слишком много думаешь. Ты правда считаешь, что они придут домой, увидят собаку на лестничной площадке, и такие: «О, к нам забрался маньяк, надо срочно вызвать полицию»? Не-а, ничего подобного! Как только откроется дверь, Ральф тут же кинется их встречать, и эти двое начнут спорить, кто из них забыл запереть дверь на кухне. Им только повод дай поскандалить.

Да, ты прав. Так оно и будет.

Однако окончательно в такой исход Броган поверил лишь два часа спустя и только ближе к вечеру рискнул оставить свой пост у двери.

Хвала Господу! Я-то думал, мы просидим здесь всю ночь.

Надо быть ко всему готовым.

Молодец. Подготовился. Я же говорил, все будет хорошо. Что теперь?

Пойду проверю.

Броган поднялся на второй этаж, стараясь не шуметь даже здесь, в двух домах от собаки. Без лишних движений он залез на лестницу и перебрался через чердак Элси. Перед второй стеной замешкался и протяжно выдохнул.

Он перелез через последнюю преграду и мучительно медленно двинулся к люку, шаг за шагом ступая по балкам. У самого люка лег на пол, распределив свой вес на ненадежной опоре. Прижался ухом к крышке. Снизу слышались голоса. Джек и Пэм были на первом этаже. Как обычно, ссорились. Броган потянулся к петле люка.

Ты что делаешь?!

Ничего не слышу.

И так уже все ясно. Ты видишь здесь полицию? Нет, не видишь!

Я должен убедиться.

Ты ведь знаешь, что у собак крайне острый слух? А эта тварь и без того взбудоражена. Услышит, как ты открываешь люк, и мигом притаится сюда хозяев. Знаешь такую поговорку: «Не буди лихо»?

Однако Броган все равно сделал по-своему. Он подцепил крышку, напрягая уши и ожидая услышать рычание и топот собачьих лап. Снизу доносились голоса: приглушенные и нечеткие. В одно мгновение, от которого замерло сердце, Брогану почудилось, будто хозяева обсуждают, как поймать сегодняшнего взломщика.

Вскоре разговор зазвучал отчетливее – Джек и Пэм вышли в коридор.

– Ты надолго? – спросил Джек.

– Да я иду в соседний квартал! Вернусь самое позднее через десять минут. Уж постараюсь за это время не помереть.

– Я хочу есть. После больниц всегда ужасно голодный. Из-за этих больничных запахов, что ли?..

– Это называется «стерильность», Джек, гигиена. И тебе не помешало бы узнать о ней побольше. Если хочешь на ужин гамбургеры, мне тем более надо идти. Разогрей к моему приходу духовку. И да, надеюсь, пока меня нет, Ральф сбежать не успеет.

– Ха, ха! Умереть как смешно.

Броган бережно опустил крышку. На его лице играла восторженная улыбка.

Доволен?

Безумно.

Отлично. А теперь пошли веселиться!

Среда, 5 июня, 18:15

Броган, едва ли не танцуя по балкам, перебрался в дом Фейрбрайтов. Теперь, когда тревоги унялись, все затмило предвкушение от грядущего вечера. Какие прелести Колетт продемонстрирует ему сегодня? Опять посмотрит в глаза? Или решится на какую-нибудь грязную пакость, о которой мечтала весь день?

Слюни текли едва ли не сильнее, чем у Ральфа. Хозяева были дома, снизу доносились их приглушенные голоса, но слов разобрать не удавалось, и это безмерно печалило.

«Не важно, – подумал Броган. – Подожду. Просижу здесь хоть всю ночь. Оно того стоит. Ты ведь постараешься меня порадовать, а, Колетт?»

И он принялся ждать. Часы тянулись бесконечно. Хозяева почему-то не спешили в спальню. Порой в приоткрытую дверь пробивался клинышек света из коридора, но всякий раз пунктом назначения был туалет. Шумела вода в трубах, щелкал выключатель, и внизу возобновлялся разговор. Там явно обсуждали какие-то важные, крайне серьезные дела, отчего Броган чувствовал себя обиженным вдвойне – словно ребенок, которого нарочно отправили спать, чтобы поговорить на свои взрослые темы, не предназначенные для детских ушей.

– Иди сюда, – хрипло шептал он. – Хватит меня дразнить. Не люблю, когда дразнят.

Спать хозяева отправились лишь ближе к полуночи. К этому времени у Брогана, вынужденного неподвижно сидеть в тесноте, занемели все мышцы, включая язык. Ожидание его разозлило.

Однако Колетт все-таки пришла – по-прежнему красивая и сияющая. Нынче она выглядела куда более серьезной, не столь игривой, как вчера, но, возможно, просто выбрала другую роль. Женщины-вамп или госпожи...

Она взяла что-то из шкафа – понять бы что! – и ушла в ванную. Несколько минут шумел душ; потом Колетт вернулась, одетая в простую длинную футболку.

Эй, а где же голое тело?.. Где развратное белье?!

Что хуже всего, Колетт даже не взглянула в сторону Брогана. Не пожала плечами в знак извинения, не приподняла бровь, обещая озорство. Она смотрела только на мужа, улегшегося в постель.

Словно вовсе не замечала Брогана.

– До чего длинный выдался день... – сказала она Мартину.

Длинный? Ха, она и не представляет, насколько. Посидела бы здесь в полной темноте с раннего утра до поздней ночи...

– Ага, – согласился Мартин. – Не знаю, как ты, а я совсем вымотался.

Слабак! Рядом с ним роскошная женщина, а он даже не думает ею воспользоваться... Что за мужики нынче пошли, а?

– Спокойной ночи, Мартин. Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. Приятных снов.

Они поцеловались, и Брогана чуть не стошнило прямо в эти глупые умиленные рожи! На кой ему романтика и слащавые разговорчики?! Где страсть, где грех и разврат? Почему Колетт не старается ради него? Она же обещала!

Все неправильно. Все не так!

Тут, словно в насмешку, погасли обе лампы у кровати. У Брогана опять отняли способность видеть.

Ужасно хотелось выругаться вслух, обрушить на эту парочку поток отборной брани – пусть думают, будто на них напал полтергейст. Можно проломить потолок – он совсем тонкий – и спрыгнуть напрямиком в спальню. Пусть эти двое ежатся под одеялом, а Броган вытащит из-за пояса нож, подсветит фонариком искаженное лицо и медленно шагнет к своим жертвам, упиваясь их мольбами и криками. Вскинет нож, занесет его над телами, корчащимися под жалкой преградой тонкого пледа, и...

Броган в красках представлял, что будет дальше, но воплощать свои планы в жизнь не спешил. Не двигаясь с места, он лежал ничком на чердаке у Фейрбрайтсов и не спускал глаз с парочки, уютно устроившейся в теплой кровати.

Держи себя в руках.

Тебе легко говорить. Эта ночь должна была стать особенной. А они ее испортили. Пустили весь день насмарку. Хотя должны были поднять мне настроение.

Знаю, но срываться все равно не стоит. Нехорошо действовать в порыве гнева. Гораздо интереснее, когда ради игры, ради удовольствия... Как это было с Картерами, например. Помнишь, как тебе понравилось? Как было классно, когда их дымящаяся кровь текла по пальцам? И с родителями тоже. Помнишь их лица, когда они осознали свою участь? Сравни с тем, что было прежде. Чувствуешь разницу? Так ведь гораздо лучше?

Броган в темноте кивнул.

Просто маленькая заминка, вот и все.

Ага.

Завтра будет по-другому. Мы все подготовим. И если Колетт опять начнет ломаться, мы ей устроим.

Да, устроим.

Вот и молодец!

Броган вернул лист изоляции на место, прикрывая дыру. Включил фонарик и пополз по чердаку обратно в свою лачугу.

Только теперь, когда рев в голове затих, он вдруг понял, как сильно проголодался. Из-за фиаско с Ральфом не ел с самого утра.

Пора устроить себе пиршество.

Среда, 5 июня, 23:59

В дом Элси он входил уже увереннее, хотя, судя по прерывистому храпу из спальни, старуха нынче спала беспокойно. Впрочем, даже если она проснется, вряд ли услышит шум на первом этаже.

Когда Броган проходил мимо ее дверей, часы пробили полночь. Вспомнились другие часы – те, которые велели Ральфу на него напасть, – и Бродана невольно пробрала дрожь.

Пока часы били, он стоял неподвижно, удивляясь, как можно спать при таком грохоте. Механизм наконец стих, а Элси хрюкнула и захрапела ровнее. Броган вспомнил, что на ночь она снимает слуховой аппарат.

Чтобы ее добудиться, надо колотить по кастрюлям.

К счастью, это в моих планах не значит.

Можно еще из дробовика пальнуть.

Ты серьезно? Обязательно говорить об этом прямо сейчас?

Это моя работа.

Значит, увольняйся.

При такой-то зарплате? Не искушай меня.

Броган спустился. Снова зашел на кухню. Заглянул в холодильник.

Полнее тот за день не стал. Из разговоров с сиделкой Броган понял, что обед Элси обычно заказывает в доставке, а по вечерам готовит себе суп или обходится бутербродами. Продукты привозят раз в неделю, и нынче ее припасы подходили к концу. Даже взять нечего...

У Бродана заурчало в желудке.

Жрать охота. Даже смешно. Живем на четыре дома, а перекусить нечем...

Броган закрыл дверь холодильника, подошел к кухонному столу и, высыпав себе в рот очередную горсть кукурузных хлопьев, принялся размышлять, как же ему быть.

А, к черту все. Первым делом надо утолить голод.

Он открыл шкафчик. Сдвинул в сторону пакет с мукой и коробки с чаем. В самом дальнем углу нашел несколько банок. Вытащил их, чтобы прочитать надписи в лунном свете. Бобы с карри, чечевичный суп и консервированные фрикадельки. Холодными их есть не хотелось, но разогревать опасно – Элси может заметить запахи: нос у нее наверняка чуткий, раз уж со слухом беда. Впрочем, под банкой с соусом обнаружилась маленькая квадратная жестянка. О, сардины!

Броган одним движением сорвал крышку. Он не очень любил рыбные консервы, но теперь отдал бы за них душу. Взял кусочек ржаного хлеба (которого было больше), вывалил на него содержимое банки и сложил пополам.

Откусив разом полбутерброда, в экстазе закатил глаза.

Впрочем, торопиться было некуда. Лучше растянуть удовольствие. Броган сел за стол и принялся есть медленнее, заставляя себя прожевывать каждый кусочек по двадцать раз.

Кажется, жизнь налаживается.

Вот видишь? Не так и беспросветно впереди. А завтра, возможно, и Колетт возьмется за ум...

Обязательно. Иначе и быть не может.

Броган снова откусил от бутерброда и уставился в окно. Оттуда улыбалась почти полная луна.

Он задумался, чем бы еще перекусить? Что, если взять печенья? Или винограда? А может быть, кусочек сыра...

Однако Броган не успел определиться: на кухне вспыхнул свет. В дверях стояла Элси.

Четверг, 6 июня, 0:21

Броган в ужасе вскочил. Какого черта? Почему он не слышал шорохов за спиной?

Теперь придется исправлять свой промах.

И лучше поскорей, пока старуха не разоралась: «Караул, насилуют!»

Взявшись за рукоять ножа на поясе, Броган шагнул к Элси. Та не двинулась с места. На лице у нее не было ни ужаса, ни злости, одно изумление. Брогану стало не по себе. Убивать ее отчего-то не хотелось.

Хватит уже тянуть! Вали старуху. Кончай ее!

– Алекс?.. – прошептала та.

Броган замер как вкопанный.

– Что?

– Алекс? Это правда ты? Ты вернулся?

Элси подняла костлявую узловатую руку. Мутные глаза заполнились слезами. Броган понял, что она не только глухая, как пробка, еще и подслеповата и вдобавок плохо ориентируется в действительности.

– Да, – сказал он. – Это я.

Элси шагнула к нему, склонив седую голову набок, чтобы присмотреться. Броган заметил у нее в ухе слуховой аппарат.

Она провела пальцами по его лицу, и Броган не стал отшатываться. Костлявые пальцы пригладили ему бороду. Он нарочно ее отрастил, чтобы не быть похожим на фотографию, которую распространила полиция. Забавно получилось – из-за бороды его теперь приняли за другого...

Брогану отчего-то вспомнилась его старая нянька. Он был совсем маленьким, когда та умерла, и образ ее сохранился нечетко, но Броган помнил, как она гладила его по лицу, умилялась пухлым щечкам, беззубо улыбалась и по-доброму блестела глазами.

– Я знала... – прошептала Элси. – Знала, что ты вернешься. Они говорили, ты умер, но я не верила. Я знаю своего сыночка. Ты ни за что меня не бросил бы. Алекс, тебя так давно не было...

Ха! Совсем старушка сбрендила. Шарик за ролик заехали.

– Да, – сказал Броган. – Очень давно. Уж и не помню, сколько.

– Почти тридцать лет прошло. А ты... ты ни капельки не изменился. Просто чудо!

Броган глянул в сторону коридора. Надо выбираться отсюда поскорей. На кухне творилось полное безумие, но отчего-то ему хотелось понять, что происходит. Прочувствовать всю сюрреалистичность ситуации.

– Ты должна мне помочь, – сказал он. – Я плохо помню, что со мной было. Что тогда произошло?

– Машина разбилась. Ты ехал домой после вечеринки. Как мне сказали, пьяный. Свернул не туда и выехал на встречную полосу. Но я-то знала, что это неправда. И даже не стала смотреть на тело. Зачем, если это был не мой сынок?

Элси обеими руками обхватила его за голову.

– Сынок. Сыночек... Я каждую ночь о тебе молилась, и вот мои молитвы услышали.

Она обняла его, прижалась невесомой головой к груди. Броган пригладил ей редкие волосы, чувствуя под тонкой, как бумага, кожей, шишки и впадины на черепе. Интересно, что творится у нее в мозгу? Почему она не спрашивает, отчего ее сын, которому сейчас должно быть за пятьдесят, а то и больше, не постарел ни на день?

– Ты, кажется, похудел... – сказала Элси. – Плохо кушаешь, да?

Матери всегда об этом спрашивают. Наверное, это у них в генах.

Моя мать никогда не спрашивала.

Ну, ей до тебя вообще не было дела. Особенно после того, что случилось с ребенком.

– Знаешь, – заговорил Броган вслух, – я, кстати, голоден.

Элси улыбнулась, показав кривые бесцветные зубы.

– Давай что-нибудь приготовлю. Чего ты хочешь? У меня есть суп. И бобы. И, кажется, в морозилке лежала рыба...

– Бобы с тостами, пожалуйста. Спасибо.

Она похлопала его по плечу.

– Не говори спасибо. Зачем еще нужны матери? Разумеется, чтобы заботиться о своих детках до самого последнего вздоха.

Старуха заковыляла к шкафу, открыла и, как и Броган недавно, принялась вытаскивать банки, подслеповато их разглядывая.

Прямо-таки матушка с родным сыном, да?

– Очки забыла, – пробормотала Элси. – Это бобы или что?

Броган подошел к ней.

– Да, бобы. Давай я сам. – Он забрал у нее банку. – У тебя консервный нож есть?

Она подняла скрюченный указательный палец.

– Сейчас найду.

Открыла ящик и безошибочно положила руку прямо на консервный нож. Протянула его Брогану, и тот принялся готовить свой первый горячий ужин за последние несколько дней.

Элси смотрела, как он вываливает бобы в сковородку и запикивает в тостер хлеб. Тут ей пришла в голову одна нехорошая мысль.

– Ой! Надо же срочно сообщить Джанет. Господи, и чем я только думала?..

– Джанет?

– Твоей жене, глупенький. Вот она обрадуется! Пойду ей позвоню. Ну и что, что поздно...

Повод-то какой!

Элси заковыляла к выходу. Брогану пришлось отложить ложку и схватить старуху за руку.

– Нет. Не надо!

Элси слепо уставилась ему в лицо.

– Почему не надо? Что-то случилось?

– Просто... Никто не должен знать, что я приходил. Никому не рассказывай. Никому!

– Даже Джанет?

– Особенно Джанет. Держи все в тайне.

– Но почему? Не понимаю...

– Я... не знаю, как объяснить. Но меня здесь быть не должно. И если узнают, что я приходил, то мне опять придется исчезнуть. Только уже навсегда. А ты ведь этого не хочешь, нет?

– Ох, милый мой, ни в коем случае... Это было бы ужасно!

– Вот именно. И мне бы не хотелось. Мы ведь только что встретились.

Элси взяла его за руку. Кулак Брогана у нее в ладонях казался огромным, особенно на фоне бледной старушечьей плоти, очень холодной, словно кровь с трудом пробивалась сквозь сморщенные старые сосуды.

– Не хочу, чтобы ты пропал... Мне без тебя так одиноко.

Нет, ты только послушай. До чего нагло тобой манипулирует. Ведет себя как маленький капризный ребенок. Покажи ей, кто ты, – пусть знает, что ты такого отношения не стерпишь.

Этот совет привел Брогана в замешательство. Он замялся, но тут, к счастью, шелкнул тостер.

– Готово, – сказал он. – Надо поесть.

– Да-да. Кушай, кушай, бедный мой мальчик!

Он намазал тост маслом, вывалил на него содержимое сковороды, уселся и начал есть. Элси плюхнулась на стул рядом, не сводя с него обожающего взгляда, но спорить Броган не стал. В какой-то момент она протянула ему стакан молока, и он с радостью его выпил. Потом вытащила из холодильника кусок чизкейка.

Броган не торопился. Спешить все равно было некуда, а этот дом казался гораздо уютнее соседней лачуги. Ужасно не хотелось встать со стула.

– Мне пора идти... – сказал он наконец.

Старушка безмерно огорчилась:

– Не уходи! Алекс, не надо! Ты же сказал, что вернулся насовсем!

– Не волнуйся, я ненадолго. Завтра вечером опять приду.

– Обещаешь?

– Обещаю. Тебя разбудить?

– Да, конечно. Я приготовлю ужин.

– Буду рад.

– Тебе надо лучше питаться. Может, возьмешь что-нибудь с собой? Хотя у меня в доме мало еды...

Броган огляделся.

– Давай немного фруктов? Или кусочек пирога...

Элси не пришлось уговаривать. Она вскочила, с поразительной для своих лет ловкостью подбежала к столу и паучьими пальцами выбрала из корзинки несколько плодов поспелее. Отдала их Брогану, и тот спрятал их в мешковатый карман. Затем отрезала огромный ломоть чизкейка и завернула в фольгу.

– Спасибо, – сказал Броган.

– Тебе еще что-нибудь надо?

Тот задумался.

– Свечи. У тебя есть? И спички тоже.

Элси с радостью закивала:

– Уж это у мамочки для тебя всегда найдется.

Она открыла дверцу под раковиной и вытащила связку белых свечей и коробок спичек.

Броган с трудом распахнул ее дары по карманам. Элси снова схватила его за руку.

– Просто чтобы ты знал... Мне уже немного осталось на этом свете, но сегодняшний день – лучший в моей жизни. Теперь я умру счастливой!

В душе Брогана что-то перевернулось. Люди редко говорили ему такие слова. Обычно наоборот – умирали в муках и страданиях, умоляя оставить их в живых.

– Я... мне пора, – выдавил Броган, потому что сказать было нечего.

Он, не оглядываясь, вышел из комнаты. Стал подниматься, перешагивая по две ступеньки зараз, чтобы старуха не сумела за ним поспеть.

Та кричала ему вслед:

– Алекс! Алекс!..

На лестничной площадке Броган запрыгнул на комод и пролез через люк.

Однако даже сквозь потолок до него донеслись рыдания женщины, оплакивающей давно умершего сына.

Четверг, 6 июня, 8:56

Он снова проспал. Впрочем, плевать. Сегодня ему не до Колетт и Мартина.

Броган зажег одну из свечей, подаренных Элси, и поставил ее в лужицу воска. Сидя на комковатом матрасе, он прижался спиной к стене и уставился на пляшущее пламя, поддаваясь гипнозу. Стены комнаты задергались в беспорядочном ритме. Пятно плесени в углу ехидно ухмыльнулось.

Пока ты ничего не сказал – это не я. И вообще мне сейчас не до улыбок.

Почему?

Потому что надо было убить старуху. Она тебя видела. Знает, где ты.

И что бы это дало? Сиделка ее обнаружила бы. И сейчас по всем домам рыскали бы полицейские.

Не обязательно было обставлять это как убийство. Можно было тихонько придушить ее и уложить в постель. Тогда мы успели бы выбраться.

Я не хочу отсюда уходить.

У тебя все равно нет выбора. Элси знает, что ты здесь.

Она никому не скажет.

О, ты так уверен? И как ты это обеспечишь? Очаруешь ее своей харизмой?

Она не в себе. Витает в облаках. Путает реальность и фантазии. Кроме того, сперва я хотел кое-что сделать.

Например?

Например, пообщаться с Фейрбрайтами.

Они что, до сих пор тебе интересны?

А почему нет?

Потому что ты все утро стараешься про них не думать.

Не хочу лишний раз огорчаться. Вчерашний вечер не задался.

Поэтому мы и не пошли смотреть, как они собираются на работу?

Да.

Что ж, ладно, пока останемся. Может, удастся с ними поиграть... Узнай их получше. Найди их слабости, страхи. Обернем все это против них же самих. Как с Картерами.

Броган кивнул. Картеры на его памяти были лучшими. Ему удалось залезть к ним в голову. Найти их комнату страха и запереть их там. Радости это доставило куда больше, чем само убийство. Потому что было гораздо глубже. Эффектнее.

Полицейские этого не поймут. Они филистимляне.

Знаю.

Придумают какую-нибудь бредовую теорию. Объяснят все своей психиатрической хренью. Им важно одно – поймать убийцу. Они никогда не догадаются, почему мы это делаем. Как думаешь, что наптели им психологи, когда пытались объяснить, зачем мы поменяли местами головы твоим родителям?

Явно какой-нибудь бред. Сомневаюсь, что они додумались до правды.

Ага. Весь секрет в том, что это было весело. Но в нашем психологическом портрете такого не напишут.

Пусть думают, что хотят. Объяснять мы все равно не станем.

Ага. Скорее порем.

Броган с трудом встал с матраса. Хорошенько потянулся, пока сухожилия не затрещали, угрожая лопнуть. Из кармана снятой куртки вытащил банан и съел его, расхаживая по комнате и обдумывая дальнейшие планы. Когда в руке осталась лишь вялая кожура, он ощутил прилив сил – даже ухмыляющаяся рожица на стене уже не так бесила.

Через минуту Броган был на чердаке, пробираясь над домом Элси. Задерживаться у нее не собиравшись, но случайно услышал разговор с сиделкой.

– Ты все еще спишь? – удивилась та. – Уже десятый час.

– Я устала, – ответила старуха. – Поздно легла.

Кэрри рассмеялась:

– Поздно? Что, любовника себе завела?

– Для любовников я старовата. И вообще, кому они нужны? Есть занятия получше.

– Лучше, чем любовник? Хотя да, с мужиками такое бывает... Так в чем дело?

– Не скажу. Это секрет.

Умничка!

– О-о-о, – протянула Кэрри. – Секреты я люблю. Ну же, выкладывай. Ты же знаешь, я никому не скажу.

В голосе сиделки слышались снисходительные нотки. Интересно, как бы она заговорила, узнав правду?

– Не могу, – заупрямилась Элси. – Он сказал, если я проболтаюсь, то больше не придет.

– Ты же говорила, это не любовник.

Элси вдруг разозлилась:

– Сказала – не любовник, значит, так оно и есть. На кой они мне сдались? Это был кое-кто особенный.

Кэрри замолчала. Наконец сдалась:

– Ладно, Элси, твоя взяла. Не берусь даже предположить. Слушала кого-то по радио?

– Еще чего! – фыркнула та. – Никогда не догадаешься. Ни за что в жизни!

– Элси, ну правда, не мучай меня. Намекни хоть немножко.

И ту словно прорвало:

– Это был Алекс! Алекс вернулся!

Брогана встряхнуло. Он замер, прикидывая, что теперь делать.

А ты чего ждал? Я же говорил. Знал, что она проболтается.

– Алекс?.. – протяжно переспросила Кэрри. – Это ведь твой... э-э-э...

– Мой сын. Да. Тот самый. Прошлой ночью он приходил ко мне в гости. Я обещала никому не рассказывать, а ты меня заставила. Я нарушила свое слово, и он теперь, наверное, больше не вернется...

В голосе Элси прозвучало такое отчаяние, что Броган даже перестал на нее злиться.

– Эй, – принялась утешать ее Кэрри. – Все хорошо. Я поняла тебя. Правда поняла.

Ни черта она не поняла, подумал Броган. Ни черта. Решила, это просто бредни старухи, которая скоро двинет кони.

Он понял, что его тайна умрет вместе с Элси. Пусть говорит, кому хочет. Кто ей поверит? Кто свяжет басни о визитах давно умершего сына с беглецом-маньяком?

Броган встал, радуясь, что вопрос с Элси можно отложить. Едва ли не насвистывая, он направился к кирпичной кладке, разделявшей чердаки. Вскочил на нее одним махом.

И ошеломленно застыл на месте, вмиг разучившись дышать. Он вцепился в стену, как зверь, увидевший хищника, – и окаменел.

Чердачный люк был открыт, и из него торчала голова.

Четверг, 6 июня, 9:23

Брогану сперва показалось, что его заметили, и с этим внезапным гостем – скорее всего, Джеком – они играют в гляделки, будто стрелки на Диком Западе, перед тем как выхватить револьвер и укокошить соперника.

Если побежит, беги вслед за ним. Нельзя, чтобы он вызвал полицию или взял оружие. Надо убить его первым, и если жена дома, то и ее тоже.

Все это пронеслось в голове у Бродана буквально за долю секунды. Потом он разглядел, что Джек смотрит не на него – тот отвернулся в другую сторону и светил на стену дома Фейрбрайтов.

Свой собственный фонарик Бродан, к счастью, держал в левой руке, которую еще не успел поднять. Он тихонько выключил его, молясь про себя, чтобы Джек не заметил света.

И тут прозвучал вопрос, от которого у него чуть не остановилось сердце.

– Ты что здесь делаешь?

Это говорила Пэм, и обращалась она не к Бродану, а к мужу.

Тот глянул вниз, в люк.

– Просто проверяю. Что, на чердак уже нельзя залезть?

– Спускайся давай, пока совсем не скрутило. Ты же говорил, у тебя болит спина?

– Еще как болит! Но уж на пару-то ступенек я подняться могу. Я не инвалид в конце концов.

– Джек, спускайся! Я тебя в больницу больше не повезу. Если что случится, поедешь сам.

– Ну и ладно, – буркнул Джек, но все-таки спустился и закрыл люк.

Бродан наконец-то втянул в себя воздух.

Чуть не попался.

Секундой позже – и все... Долбаная собака!

Откуда тебе знать, может, собака ни при чем.

А кто еще? Странное совпадение. Зачем мужику с больной спиной карабкаться на лестницу и проверять чердак?

Может, ты сам виноват. Слишком шумно ходишь.

Куда уж тише... Летать я пока не научился.

Как хочешь. Но с этого момента надо быть осторожнее.

Бродан включил фонарик и аккуратно переполз на чердак к Джеку и Пэм. Разговор будто стал тише – хозяйева, скорее всего, ушли на первый этаж, – но рисковать все равно не хотелось. Чуть слышно ступая по балкам, Бродан направился к дому Фейрбрайтов, каждые пять секунд останавливаясь и светя фонариком в сторону люка. Наконец с немалым облегчением перебрался через вторую стену.

Усвоив урок, он хорошенько прислушался, прежде чем открывать люк, потом помедлил еще немного, не торопясь опускать лестницу. И, только тщательно осмотрев все комнаты, позволил себе расслабиться.

Бродан наложил хлопьев, сделал пару тостов с джемом и налил кружку кофе. Как и в прошлый раз, вымыл за собой посуду и убрал все по местам. Наполнил водой пластиковую бутылку, снова наведаясь в ванную, но в этот раз не стал принимать душ, а только умылся на скорую руку.

В голову опять полезли мысли о том, что будет, если он допустит какой-нибудь промах. Не просто обронит в душе темный волосок, а что-нибудь серьезнее? Как в сказке про Златовласку и трех медведей, только наоборот: пусть хозяйева удивляются, кто съел их ужин, сидел на стульях и валялся в кровати, но не рычат, как звери, а испуганно жмутся, потому что крови жаждет их незваный гость.

Пора бы приняться к здешнему меду...

Бродан не знал, что, собственно, искать. Какие-нибудь мелочи, которые дали бы ему ключик к тайнам Фейрбрайтов.

Поиски он начал с буфета в гостиной. Старательно заглянул в каждую бумажку, даже самую пустячную на вид. Ничего.

Нет, кое-что интересное он все-таки нашел: выяснилось, что Мартина однажды чуть не лишили водительских прав, а Колетт сдавала анализы с подозрением на опухоль, оказавшуюся обычной кистой, – но это все мелочи.

Нужно что-то более принципиальное. Вроде той коллекции фаллоимитаторов, которую мы нашли в доме Дервентов, помнишь? И как ловко потом применили ее по назначению...

Броган заметил ноутбук на невысоком книжном шкафу, но включать не рискнул. Он не очень хорошо разбирался в технике – не сумеет ни прочесать жесткий диск как следует, ни замести потом следы.

Поэтому он вернулся в спальню. Открыл дверцы большого платяного шкафа, битком набитого одеждой, но среди тряпок не увидел ничего интересного, только свадебное платье.

Подошел к комоду. Открыл верхний ящик. В основном там лежало женское белье – частью весьма пикантное. Броган вытащил черные кружевные трусики. Эту вещицу запросто можно было представить на Колетт.

Интересно, что она сказала бы, узнав, как ты щупал ластовицу?

Он продолжил поиски. В одном из ящиков лежали носки и трусы Мартина, но остальные, кажется, были заняты вещами Колетт. Там хранились колготки, чулки, свитера, всякие женские мелочи вроде расчесок, бижутерии и косметики.

Броган открыл нижний ящик. И, кажется, нашел, что искал. Именно здесь Колетт держала личные вещи. Свидетельство о рождении, несколько дипломов. Памятные безделушки: рисунки, тетрадки с плохими стихами, открытки, коллекцию ракушек, миниатюрного плюшевого мишку.

А еще шкатулку.

Маленький деревянный сундучок в серебряной оплетке. В таких обычно хранят драгоценности, но украшения Броган видел на туалетном столике у зеркала. Он вытащил шкатулку, хотел открыть – заперта.

Зачем запирает, если там просто кольца с серьгами? Та, что на туалетном столике, была открыта...

Броган пошарил в ящике в поисках ключа, но ничего не нашел. Вскрывать замок не решился, поэтому просто положил шкатулку на место.

Рядом лежала еще одна коробка: белая, из-под обуви. Броган снял с нее крышку. Внутри оказались фотографии.

Большей частью на них была запечатлена семейная жизнь Колетт и Мартина. Снимки с праздников, с дружеских посиделок... На одной из фотографий крупным планом была табличка с именем Мартина Фейрбрайта и подписью «Продавец года». Судя по дате, снимок сделали два месяца назад. На других фотографиях с той же вечеринки эта табличка лежала на столе перед Мартином. На одном из снимков Мартин пялился в декольте пышногрудой брюнетки рядом.

Кому нужны эти «Продавцы года»? Лучшие б раздавали награды за «Сиськи века». Эта дамочка всех обставила бы. Продавила бы грудью.

Мартин, кажется, охотно отдал бы за нее свой голос.

Хм, а Колетт ты видишь? Как она сверлит его взглядом – убила бы, если б могла, не дожидаясь нашего появления...

Мне больше интересно, зачем она оставила снимок?

Дальше шли фотографии ее юных лет. С родителями, сестрой, с собакой. Всегда радостная, всегда красивая...

На самом дне лежал конверт, тоже набитый фотографиями, на которых Колетт была изображена вместе с мужчиной.

Вот только это оказался совсем не Мартин.

Высокий, красивый, но не такой качок, как нынешний муж. Колетт от него не отлипала – вечно обнимала за талию и смотрела с обожанием. На одном из снимков Колетт и ее загадочный возлюбленный сидели в ресторане, положив сцепленные руки на белую скатерть. На пальце у Колетт сверкало обручальное кольцо.

Броган ничего не понимал. Фотографии явно были давними, потому что на них у Колетт совсем другая прическа. Значит, не любовник. Но куда делся тот парень? Почему он больше не с ней?

Броган уставился на снимки. Наверное, они не единственные, в компьютере найдутся и другие, но включать технику он по-прежнему боялся. Пока удалось раздобыть лишь мелкие фрагменты из прошлого Фейрбрайтов. Возможно, их удастся использовать: если правильно сложить вместе, то получится лезвие, которым он вспорет внешнюю оболочку Колетт.

Броган собрал фотографии. Убедившись, что снимки Колетт и ее ухажера лежат в конверте, а остальные – в прежнем порядке, вернул их в обувную коробку и поставил ее обратно в ящик комода.

«Интересно», – подумал он.

Очень интересно...

Четверг, 6 июня, 22:03

В дом Фейрбрайтов он вернулся около десяти вечера. Знал, что рано. Но торопился, как спешат в кино, чтобы не упустить хоть одну секунду рекламы.

Вот бы попкорна сейчас.

Ага, или сосиску в тесте.

Выключайте свет, включайте музыку. Шоу начинается!

День пролетел быстрее, чем думалось. В своей лачуге Броган зажег свечу и принялся укладывать в голове информацию, которую раздобыл нынешним утром. Его немного мучили сексуальные фантазии – сказалось найденное в комодке бельишко, – но в основном мысли крутились вокруг персоны бывшего жениха с фотографии. Броган даже придумал игру – заставить Колетт рассказать, чем тот парень лучше ее нынешнего мужа. Пусть Мартин слушает и хнычет как ребенок. Будет забавно. А когда Броган наиграется, убьет их обоих.

Может, уже сегодня вечером?

Колетт вошла в спальню первой. Примерно в пол-одиннадцатого. Она босиком прошла по ковру. Сняла часы и украшения, положила их на тумбочку. Ненадолго исчезла из поля зрения, затем появилась снова. Включила телевизор. Забормотал местный новостной канал.

– Полиция продолжает поиски Томаса Бродана, разыскиваемого в связи с серией жестоких убийств в районе Мэйхилл. Последние жертвы Бродана, Энн и Эдвард Картеры, были обнаружены мертвыми у себя дома в понедельник вечером...

Из своего укрытия Броган заметил, как Колетт вдруг замерла и прислушалась к телевизору. Он не видел экрана, но, наверное, сейчас показывали его старую фотографию.

И что же получается? Колетт смотрит ему прямо в лицо? Гадает, что таится за пронзительным взглядом? Очарована его хладнокровием и тем, как он бросает вызов общественным устоям? Или напугана, но при этом взволнована, даже взбудоражена тем, что неподалеку разгуливает серийный убийца?

Я ближе, чем ты думаешь, Колетт. Вижу, как расширяются у тебя зрачки и частит на шее пульс. Слышу твоё дыхание и мягкий звук, с которым ты размыкаешь губы. Чувствую запах твоих духов. Практически могу дотянуться рукой. Я здесь, Колетт. Настоящий, всего в метре над плоским экраном, куда ты глядишь с таким интересом. Посмотри выше, дай хотя бы знак. Вот и все, что от тебя требуется.

Колетт начала раздеваться. Не отрывая взгляда от телевизора, одну за другой она расстегивала пуговицы на блузке.

Может, это и есть знак? Она намеренно его дразнит?

Броган старался дышать через раз, хотя сердце лихорадочно гоняло кислород по его возбужденному организму. Вот бы сейчас камеру, запечатлеть на память... Но под рукой не было даже мобильного телефона. Оставалось только одно – откладывать в голове каждую мелочь. Однако память – это ненадежно. Совсем как фотографии Колетт: всегда есть детали, яркие и живые, которые поймать не удастся.

Раздевшись до белья, Колетт вдруг вышла из комнаты. Взяла ночную рубашку и, как ни в чем не бывало, скрылась в коридоре.

Броган едва ли не застонал сквозь зубы. Он жаждал разрядки. Милосердной кульминации.

Через минуту зашипел душ. Это было пыткой – представлять, как Колетт намыливается. Потом она вернулась, одетая в длинную ночную сорочку. По телевизору шла какая-то муть. Колетт выключила ящик и забралась в постель. Однако, вместо того чтобы засыпать, легла на подушку и потянулась за книгой на тумбочке.

Но так ее и не взяла.

Что-то заставило ее забыть про книгу. Броган проследил за ее взглядом.

Она смотрела на комод!

Вот черт! Ты что натворил?

Я? Ничего...

Облажился, да? Оставил улику?

Ничего я не оставлял. Как она вообще могла что-то разглядеть с кровати?

Колетт откинула одеяло и спустила с матраса ноги.

Замерла на секунду, приглядываясь. Потом встала и подошла к комоду.

Черт, черт, черт!

Наклонилась. Просунула руку в узкую щель между комодом и стеной. И что-то вытащила.

Фотографию! Ты уронил фотографию!

Броган опять был готов застонать, только уже по другой причине. Сейчас Колетт заподозрит неладное.

«Не смотри наверх, – велел он ей. – Не связывай увиденное по телевизору с этой фотографией. Не выстраивай между ними мостик».

Колетт по-прежнему задумчиво смотрела на снимок в руке. Она простояла так целую минуту, рассматривая его и о чем-то размышляя. С каждой секундой Броган все отчетливее понимал, что время, отведенное Фейрбрайтам, истекло.

Из коридора донесся шум. Мартин, напевая песенку из рекламы сыра, поднимался по лестнице.

Броган напрягся. Сейчас Колетт покажет фотографию мужу, и они оба задумаются, откуда она там взялась.

Вместо этого Колетт почему-то торопливо открыла верхний ящик и сунула снимок в грудку нижнего белья. Мартин вошел в комнату как раз в ту самую секунду, когда она закрывала комод.

– Эти депутаты опять за свое, – сказал он. – Снова один попался на взятке.

– Правда?... – спросила Колетт, старательно изображая интерес. – Толку-то. Все равно никого не посадят. Этим шишкам все сходит с рук.

Она улеглась обратно в постель.

– Я смотрела местные новости. Тот убийца по-прежнему разгуливает на свободе.

– Знаю. Хотя вряд ли он шляется по округе. Скорее всего, давно уже удрал.

– Надеюсь...

Отвечать Мартин не стал. Он начал раздеваться, а Колетт взялась за книжку, но открыла ее на первой попавшейся странице. Пока Мартин натягивал пижамные штаны, Броган не сводил с Колетт взгляда. Видел, что она только притворяется, будто читает, а сама слепо смотрит на одну и ту же страницу.

Мартин ушел в ванную, а она отложила книгу, уронила голову на подушку и теперь смотрела напрямик на Брогана.

Что происходит у нее в голове? Почему она не рассказала мужу про фотографию?

Не знаю. Странно все это...

Мартин вернулся, тоже лег и взялся за книгу. Кивком указал на ту, что теребила Колетт.

– Что, скучная?

– В самый раз, – сказала та. – Все равно думаю о другом.

– Да? О чем же?

– Про одежду в основном. У меня скопилось слишком много барахла. Не припомню даже, когда я последний раз брала что-то из комода.

– Угу, – буркнул Мартин, листая свою книгу в поисках нужной страницы.

– Нижний ящик вообще забит всяким хламом, который давно пора выбросить.

Мартин согласно хмыкнул.

– Может, тебе освободить в нем место?

Мартин не сразу понял, о чем его спрашивают:

– Чего?

– Я спрашиваю, тебе в комode не надо больше места?

– Места? Да не особо. А что?

– Просто подумала... Ты ведь недавно рылся в нижнем ящике?

– В нижнем? Там же только твои вещи. Зачем мне его открывать?

– Ну, там есть наши общие фотографии. Неужели не хочется на них взглянуть?

– Зачем? А тебе?

– Иногда бывает. Но я про тебя спрашиваю. Тебе хочется их посмотреть?

– Что, прямо сейчас?

– Нет, вообще. Время от времени... Ты ведь скажешь, когда захочешь?

– Конечно. Хотя сейчас, по правде, мне не до того. Но если когда-нибудь захочу посмотреть на твои старые снимки, то обязательно дам знать.

– Договорились.

– А сейчас можно мне немного почитать?

– Да. Разумеется.

Они оба уткнулись в книги. Хотя Колетт по-прежнему не могла сосредоточиться. Взгляд ее рассеянно блуждал по комнате, падая то на Мартина, то на комод.

Броган знал, о чем она думает. Что за мысли крутятся у нее в голове. «Не я ли уронила ту фотографию? И если я, то когда? Когда я вообще последний раз открывала коробку? И почему раньше не замечала снимок на полу? Если не я, значит, Мартин. Выходит, это он лазил в ящик? Но зачем? И зачем отнекиваться?»

Пока Броган гадал, что происходит с Колетт, его вдруг осенило. В голове забрезжила интересная идея.

Он понял, в какую именно игру хочет с ними сыграть.

Четверг, 6 июня, 23:47

Стучать в дверь к Элси было бесполезно. Пришлось зайти к ней в спальню, включить свет и потрясти старушку за плечо – лишь так удалось ее разбудить.

Совсем не испугавшись незваного гостя, нависшего над кроватью, та подслеповато прищурилась.

– Алекс? Это ты? Вернулся?

– Я, разумеется. Обещал же, что вернусь.

– Что? Что ты сказал?!

Броган открыл было рот, но понял, что только потратит зря время. Он увидел на столе коробку со слуховым аппаратом и протянул ее Элси.

Включив наушник, она иссохшей рукой погладила Брогана по щеке.

– Ох, Алекс... Спасибо тебе. Спасибо, что пришел. Я так боялась, что...

Она замолчала, испугавшись сболтнуть, как рассказала о его появлении сиделке.

– Все хорошо. Слушай, я не отказался бы от ужина, но если ты хочешь спать...

– Нет-нет. Какие сны!.. Дай-ка мне халат.

Она указала за дверь. Броган помог ей одеться. Когда старушка затягивала пояс вокруг тощей талии, то, казалось, переломит себя пополам.

– Пойдем вниз, – поманила она Брогана. – Я приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Через десять минут Элси разогревала тушеную курицу из доставки. Броган подумал мельком, что от специй к утру наверняка начнется изжога, но ему было без разницы. Крепко спать он все равно не собирался. Утром предстояло слишком много дел.

Он принялся за еду, исходящую паром, а Элси села рядом и заговорила:

– Как я рада, что ты вернулся...

– Я же обещал, да?

– Да, обещал. Но...

На сей раз Броган договорил сам:

– Ты проболталась, правда? Поэтому боялась, что я больше не приду.

– Что?.. Нет, ничего подобного! Я никому не говорила.

Он погрозил ей вилкой.

– Нет, проболталась. Ты рассказала обо мне Кэрри.

Элси испуганно зажала рот. Глаза у нее наполнились слезами. Броган решил не успокаивать ее сразу. Пусть помучается, усвоит урок.

В конце концов старушка уронила руку.

– Мне так жаль... Но она все утро допытывалась. А я была слишком рада. Ужасно хотела поделиться хоть с кем-то. Пожалуйста, прости меня.

Броган проглотил очередной кусочек курицы. Для дешевого карри из супермаркета очень даже неплохо.

– Вот видишь, как получается, – сказал он. – Я все вижу. И все слышу. Знаю, что происходит в доме, даже когда меня нет. Понимаешь ли, я особенный. Одно то, что я вернулся, – уже чудо. Ты должна относиться ко мне с уважением и делать все, что я говорю, иначе я больше не смогу приходить. Поняла меня? Все ясно?

Элси закивала, испугавшись не грозного тона, а возможности потерять сына из-за своего длинного языка.

– Я больше так не буду! Алекс, ты для меня всё.

Он через силу улыбнулся.

– Тогда все будет хорошо. И хватит об этом.

Они немного поболтали о том, чем занимался настоящий Алекс, пока был жив. Правда, выходки давно умершего незнакомца Брогану были неинтересны. Он поддерживал разговор лишь затем, чтобы изобразить Алекса как можно правдоподобнее. Старуха ведь знает, что тот мертв.

Думаешь, знает? И просто себя обманывает?

Должна знать – где-то в глубине души. Так глубоко, что и сама не может докопаться. Или не хочет.

Потому что для нее это невозможно. Она не готова принять смерть сына и охотнее поверит, что ты способен ходить сквозь стены или слышать каждое ее слово и при этом перестал стареть. Если не замечать этих странностей, значит, ты – ее Алекс. И каково тебе в роли призрака?

Неплохо.

Ага, мне тоже. Ну что, пойдём на охоту?

Пятница, 7 июня, 7:15

Броган встал раньше обычного. Спалось ему плохо, и не только из-за карри. Голова болела от лишних мыслей.

Потом выспится, сперва надо разобраться с делами.

Чтобы окончательно проснуться, он сделал сотню отжиманий и приседаний. Затем поднялся на чердак. Осторожно прошел по балкам, стараясь не повторять вчерашней ошибки. В доме Фейрбрайтов лег на пол и аккуратно приоткрыл глазок.

Мартин сидел на кровати и глядел в телефон. Рядом, свернувшись калачиком, спала Колетт.

Через пару минут Мартин наконец оторвался от соцсетей и толкнул Колетт локтем. Та застонала, не желая просыпаться.

– Соня, вставай! – велел он. – Опоздаешь на работу.

Колетт села и сонно уставилась на часы.

– Черт! Будильник не сработал, что ли?

– Сработал. Но ты не услышала.

– А почему ты не разбудил?

– Вообще-то разбудил.

Колетт, хмыкнув, вскочила с кровати и торопливо выбежала из комнаты в ванную. Быстро приняв душ, вернулась через пару минут совершенно голая.

Мартин при ее появлении забыл про телефон. Однако Колетт строго погрозила пальцем:

– Не гляди так. Мне даже позавтракать некогда, не говоря уж о том, чтобы кувырнуться с тобой в постели. И вообще, почему ты сам до сих пор не встал?

– У меня встреча в полдесятого здесь, рядом, в двух минутах ходьбы. Поэтому в офис не пойду, отправлюсь сразу на место.

– Везет же некоторым! – буркнула Колетт.

Схватив первую попавшуюся одежду, она снова убежала из комнаты.

– Мне чаю тоже налей, – крикнул ей вслед Мартин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.